

Ю.С. Салин

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ИНФОРМАЦИЯ ПРОТИВ ДУШИ»

13.10.15 • Бизнес-инкубатор Тихоокеанского государственного университета
На трех огромных экранах передней стены и на восьми экранах в зале
идет непрерывная демонстрация слайд-фильма –
более пятисот моих фотографий.

...Звучит музыка Розы Ченборисовой, к микрофону подходит В.И.

Гилев:

Люди идут по свету...
Им вроде немного надо –
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь!
Но с дымом сливается песня,
Ребята отводят взгляды,
И шепчет во сне бродяга
Кому-то: «Не позабудь!»

Они в городах не блещут
Манерой аристократов,
Но в чутких высоких залах,
Где шум суеты затих,
Страдают в бродячих душах
Бетховенские сонаты,
И светлые песни Грига
Переполняют их.

Люди идут по свету.
Слова их порою грубы.
– Пожалуйста... извините... –
С усмешкой они говорят.
Но грустную нежность песни
Ласкают сухие губы,
И самые лучшие книги
Они в рюкзаках хранят.

Выверен старый компас,
Получены карты и кроки,
Выштопан на штормовке
Лавины предательский след.
Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвет горизонты
И раздувает рассвет.

Ровесник, друг и коллега Вениамин Иванович Гилев исполнил песню, которую написал ровесник, друг и коллега Игорь Саввич Сидоров. Однако причем здесь песня? Какое она имеет отношение к науке?

А дело в том, что пришла пора восстановить основополагающую роль песни в серьезнейших вопросах бытия. В чем главная проблема экономики нашей великой державы? Вот на какой постановке настаивал ровесник, друг и коллега, мой учитель в экономике профессор кафедры национальной экономики и экономической теории ХГТУ Михаил Иванович Леденев.

Все деньги мира не помогут восстановить уничтоженное наше хозяйство. Инвестиции, транши, финансовые потоки не дадут никакого результата, пока не будет возрождена трудовая мотивация. *Почему Россия петь перестала?* Пока мы не найдем развязку этой фундаментальной трагедии, не стоит и копаться во всяческих наукообразных мелочах.

Не так давно я редактировал книгу памяти, составленную библиотекарем из села Казакевичево Натальей Федоровной Милушовой. Она записала со слов односельчан все, что они знали об истории своего колхоза, края, страны. События просто поражают воображение в своей протокольной достоверности.

Мужики ушли на войну. И на лесоповале бригады, состоявшие из четырнадцати-пятнадцатилетних девчонок, выполняли и даже перевыполняли нормы взрослых лесорубов. Хрупкие голодные девочки валили огромные деревья, обрубали сучья, разделявали лесины, складывали бревна в штабеля, и все вручную, в снегу и на морозе. Возвращались на табор в пропотевших насквозь и смерзшихся как фанера одеждах. Спали в холодных бараках, на работу шли строем. Ну все как в тюрьме! Но при этом пели. В лагере, по пути на поляну, на нарах, у печки.

И пока страна пела, для нее не было непобедимых врагов, не было непреодолимых трудностей.

А потом Россия петь перестала. И катастрофа стала уже неминуемой.

И вот на сцену жизни вышло нынешнее потерянное поколение. Спрашиваю молодежь 96-го года рождения, – а вы что поете, когда собираетесь вместе? А мы и не собираемся, звучит недоуменный ответ. Уже учебный год подходит к концу, а они еще не всех на потоке знают, кого как зовут.

Какую экономику сможет построить такая молодежь, какую войну одолеть, какие невзгоды превозмочь?

Духовная атмосфера нынче примерно такая же, как в Чикаго времен сухого закона, согласно крылатому выражению легендарного гангстера Аль Капоне, – бизнес есть бизнес, ничего личного! После великой депрессии пришла эпоха управляемого хаоса, и уже непобедимые братья Кличко бьют противников по голове все с тем же лозунгом, – бизнес есть бизнес, ничего личного!

Чтобы разобраться в ситуации, надо копать очень глубоко, до корней вселенской трагедии.

Сквозная линия всего моего исследования – идет процесс отчуждения, рассечения, утраты целостности. И выход видится в исцелении, в восстановлении целостности.

Когда-то эти дураки
Дубьё пускали в ход
И, озверев, как мясники
Калечили свой род:
    Женщин в пламень,
    Младенцев о камень,
    Пленных на дно –
    Смешно!
Теперь наука – мой мясник,
Уже средь облаков
Порой взлетает хриплый крик
Над брызгами мозгов.
    Мильоны рук из года в год
    Льют пушки и броню,
    И все плотней кровавый лед
    Плывет навстречу дню.
Вопли прессы,
Мессы, конгрессы,
Жены – как ночь...
Прочь!
    Кто всех сильнее, тот и прав,
    А нужно доказать, –
    Расправься с дерзким, как удав,
    Чтоб перестал дышать! (Саша Черный)

Атомная бомба взорвалась в поэме Парменида, – сказал Мартин Хайдеггер, самый, пожалуй, влиятельный философ XX века. Он умер в 1976 году. А если бы дожил до глобального кризиса и теплого интернета, обязательно бы добавил, что и эти катастрофы стряслись в том же произведении.

Потому что Парменид был первым, кто отделил научную мысль от чувства. И произошло это в VI в. до н.э.

«Я влеком кобылицами; сколько на сердце приходит, мчатся они», – писал основоположник европейского рационализма. Чувства, эмоции, страсти, зачем они, ведь они же сбьют с пути истинного, вскружат голову, понесут, как дикие кобылицы, и куда это может завести?

«Одно и то же думать и быть». Эту формулу Парменида с точностью до обозначения повторит спустя две тысячи лет Р. Декарт: *Cogito ergo sum*, – мыслю, следовательно, существую. «Этот сухой, бесчувственный взгляд на человека отзывается нестерпимой гордостью философа, воображающего, что он один только живет как следует, т. е. головою», – сказал по этому поводу К.Д. Ушинский.

Чувства – вне науки, эмоциональная сфера признана не заслуживающей внимания, – а-а, всё это беллетристика, живописание... Заниматься исследованиями, надо *не ведая ни жалости, ни гнева, добру и злу внимая равнодушно*.

Европейская цивилизация стала одномерно рационалистической, все «потусторонние» человеческие устремления – мечта, любовь,

романтика, бескорыстный интерес – улетучились, осталась лишь калькуляция, трезвый расчет.

Рукотворный мир до того, как его сделали руками, надо было спроектировать умом. И мир асфальта и рынка, задуманный и построенный без чувств, начал влиять на человека, делать и его все более и более бесчувственным. Жизнь неотступно становилась ущербной, убогой и тусклой.

В 1899 году вышла в свет книга М.А. Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости», высоко оцененная Львом Толстым. В XXI веке она была дважды переиздана, – если сто лет назад тупики научно-технического развития предвидели лишь самые проникновенные мыслители, то нынче опасности роботизации человека вышли на передний план.

Доколумбовы цивилизации обеих Америк, древнейшие государства Востока и все догосударственные этнические образования планеты пали под натиском бесчувственной, безжалостной науки послепарменидовской Европы.

Что бы ни изобретали ученые, у них всегда почему-то получается оружие (Курт Воннегут). Милитаризируется не наша трудовая орудийная система, – милитаризируется наше сознание.

Тем не менее в постановку Михаила Энгельгардта стоит внести поправку: прогресс делает человека не более жестоким, а более безжалостным, бесчувственным. Равнодушным.

У нас с Вениамином Ивановичем была одна сотрудница, обладательница незаурядного математического таланта, с детских лет осваивавшая строгую науку в знаменитой Новосибирской ФМШ – физико-математической школе. Четверть века работы в академических институтах, регулярные контакты со многими другими выпускницами, и – окончательный однозначный вывод: «Среди всех, прошедших физматшколу и добившихся признания в своей научной сфере, ни одна не стала счастливой женщиной!» Ни одна...

Солнце дано, чтобы греть и светить,

Песни, чтоб их распевать.

Сердце дано, чтобы милых любить,

Губы, чтоб их целовать (В. Лебедев-Кумач).

Оставь надежды, всяк входящий в цивилизацию. Не понадобится тебе отныне ни солнца, ни песен, ни сердца, ни губ. Бытие и мышление – одно.

И начало сегодняшнего нашего с Вениамином Ивановичем выступления это и есть первый шаг к возрождению целостности миропостроения, это возвращение эмоций, чувства, песни в научную мысль.

Но на отказе от чувства европейская наука не остановилась.

Пришел черед галилеевскому геометрическому редукционизму, то есть упрощению мировосприятия: «Философия природы написана в величайшей книге, которая всегда перед нашими глазами, – я разумею Вселенную... И письма ее – треугольники, окружности и другие геометрические фигуры». Образность была подменена схематизмом. Мир,

омертвленный после того, как его сделали бесчувственным, оказался еще и сведенным к черно-белому чертежу.

И тот поток образов, который продолжается непрерывно перед вашими глазами, это второй шаг к восстановлению целостности.

После Галилея пришел Ньютон, главный, можно сказать, законодатель стиля объективного рационального мышления, и заложил основы редукционизма механического: «Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы».

Живое течение жизни не передашь застывшими льдинами понятий, настаивает Восток. Но Сократ призвал человечество именно к этому, он заключил живую жизнь в обледеневшие и неподвижные глыбы, удобные для описания, измерения и исчисления. Согласно Леонарду Эйлеру, понятия — это гробики для мыслей.

К нашему времени мир весь развинтили на мельчайшие детали, частицы, и уже из них стали строить и всеобщую картину мира, и любые ее фрагменты.

В сопроаме существует стратегия сборки-детализировки. Вот только что за результат дает сборка после детализировки? Разделите кролика на детали и блоки, отделите тело от головы, шкурки и потрохов, и потом соберите вместе. Что получите? В лучшем случае чучело.

Но современное поколение действительных членов информационного общества вполне устраивает эта виртуальная реальность, или, выражаясь языком Маяковского, брэд оф сив кэбл. И ничего кроме вирта, бреда сивой кобылы, молодежи не надо.

Уже с детского сада они учатся уходить в мир экранов и клавиш.

Студентка-заочница, – едем с детьми через деревню, они кричат: «Мама, мама, посмотри, какая большая собака! «По улице бежал теленок.

А к совершеннолетию для них ничего, кроме мониторной фэнтэзи, уже не существует. Все знание о мире они черпают из интернета.

Творец нейтронной бомбы Сэм Коэн утверждал: «Это наиболее разумное и моральное оружие, которое когда-либо было создано. Когда война кончится, мир останется нетронутым». Моральное оружие уничтожает *только* все живое высокими дозами радиации, но не разрушает инфраструктуру. Материальные ценности, дома, мосты, цеха и лаборатории, банки и хранилища остаются в целости.

Интернет – еще более моральное оружие, чем детище Сэма Коэна. Если нейтронная бомба истребляет только жизнь, то интернет – только душу. Целыми и здоровыми остаются невинные братья наши меньшие, да и человеческой психике угрожает лишь перепрограммирование.

Переформатирование человека начинается с зачистки всего ранее записанного на внутренний носитель, и после этого в твою голову впишут правильные информационные нормы, по которым тебе предстоит жить дальше, если это можно будет назвать жизнью.

Деревенские бабушки уже не могут научить городских внуков ничему, нужному им в их будущей цивилизованной жизни. Традиции прервались, восполнение души прекратилось. Информация переполнила память. Всё природосохраняющее знание стало ненужным горожанину, да еще и с компьютером.

Жестокость накатывает девятым валом. Какая разница, играешь ты на виртуальном театре военных действий или на реальном? Перед тобой и там и тут экран компьютера, ты лично имеешь дело только с компьютерными объектами, а не с живыми людьми.

И какая вселенская катастрофа может сравниться по своему трагизму с этим искоренением человеческой сущности?

Тут уже не отдельных людей зомбируют, зомбированным стало все цивилизованное человечество. Превращение в скотный двор страны, потерпевшей поражение в информационной войне, неизбежно. И потому в повестку дня под первым номером внесено сопротивление.

Иранский президент Ахмадинежад призывал, – войдем в 2013 год без интернета! В 2013 год Иран вошел без Ахмадинежада.

Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин ввел в состав Политбюро Лю Юньшаня – «врага интернета №1». Общенациональной программой стало сооружение новой Великой китайской стены, защищающей души соотечественников в информационном пространстве от иноземной агрессии.

...Но не является ли европейский научно-технический прогресс единственным и неотвратимым? Ну уж как бы не наоборот.

Если для рациональной науки Запада все было безличным, то на Востоке не могло быть ничего безличного, и расширение познания означало расширение человеческого Я. Мое семейное Я, мое национальное Я, всечеловеческое Я, вселенское Я.

Формулы «бизнес есть бизнес, ничего личного» быть не могло, – личным было все.

Европейские представления о мире вносят диссонанс во всеохватное согласие религий и эпох, культур и народов. Объективная наука воспринимается как гайка с левой резьбой, в любых обобщениях она остается сама по себе, несоединима ни с чем и противоречит всему.

Что мне мир, коль в этом мире нет меня?

Мир мне нужен, если миру нужен я, – такова позиция Игоря Северянина, к которой я присоединяюсь. Полагаю, не только я.

Лев Толстой – до *научной науки* везде и всегда была наука о том, что нужно человеку.

Для Конфуция *знать* значило знать человека.

Сарвапалли Радхакришнан, президент Республики Индия, а до того посол в СССР, автор фундаментального труда «Индийская философия», – в центре индийского познания всегда стояло человеческое Я, а не законы падения камня. Главными науками были этика и психология.

Когда в дверь к Шанкаре, индийскому философу IX века, постучали, он спросил: «Кто там?» Ученик ответил: «Я». Шанкара сказал: «Если это Я тебе так дорого, то расширь его до бесконечности, то есть познай всю вселенную, как себя, или откажись от него совсем».

Очень близка к индуизму Шанкары и позиция главного русского представителя философии Всеединства В.С. Соловьева. Вот как излагает его взгляды А.Ф. Лосев:

Любовь восстанавливает целостность самого человека, в истине скрепляя его союз с его естественным дополнением, женщиной. Любовь

восстанавливает общественного человека, присоединяя его к обществу в прочном и надежном единении. Любовь возрождает и универсального человека, его внутреннее живое единство со всей природой мира, этим органическим телом человека.

Снова звучит музыка, к микрофону становится В.И. Гилев:

В каменный город ветер принёс
Горькой полыни дыханье.
И так волнует душу до слёз
Давнее воспоминание.
Словно я падаю руки вразброс,
Травы, дожди, боль уймите.
Ветром с полей, шумом берёз
Душу мою исцелите.

Там, среди русских полей
Дышится сердцу вольней,
Там я душою воскрес
Под сводом чистых небес.
Мама, отец и родня
Там окрестили меня.
Даже молитва слышней
Там среди русских полей.

А у часовенки, где холодок,
Тлеет один огонёчек.
Павшим за веру кладу я цветок,
Скромный мой алый цветочек.
Всё здесь мне свято до боли, до слёз.
Травы, дожди, боль уймите.
Ветром с полей, шумом берёз
Душу мою исцелите (М. Евдокимов).

Европейский рационализм обедняет реальный полнокровный мир не только своими абстракциями.

Важнейшим этапом развития цивилизации надо признать возникновение дискурсивного, разделенного и разделяющего познания. Это поступательное движение мысли от первичных понятий и исходных посылок к окончательному результату. Оно существует во всех культурах, но доминирующую роль приобретает лишь в европейской цивилизации.

Расчлененное познание было доведено до уровня всеохватной системы Аристотелем. Вот как воспринимает эту систему И. Гете:

Что вы привыкли делать дома
Единым махом, наугад,
Как люди пьют или едят,
Вам расчленят на три приема
И на субъект и предикат.
В мозгах, как на мануфактуре,
Есть ниточки и узелки.
Посылка не по той фигуре
Грозит запутать челноки.

То же у Гегеля – мы не можем перестать переваривать пищу вплоть до завершения разработки теории пищеварения

Различение двух путей познания – основополагающая установка европейского мышления. Уже в учении Платона об идеях нет оттенка дискурсивности их постижения, разделенности познания на отдельные этапы. И Плотин четко отличает *επιβολή* – мгновенное узрение, озарение, и *διεξοδικός λόγος* – дискурсивное, последовательное познание, с помощью логических понятий и операций. В V веке Бозций перевел *επιβολή* на латинский язык как «*intuitus*», от глагола *intueri*, означающего «всматриваться», «проникать взглядом», «постигать мгновенно» (Ц.Г. Арзаканян).

И вот как реализуются эти установки, например, в гимнастической педагогике, в обучении танцу, боевым искусствам, ремеслу и спорту.

Европейский подход разделяет двигательный комплекс на отдельные составляющие – правую руку вверх, левую ногу вперед... Восток идет в ином направлении – представь себе, как извивается змея, как грациозно расправляет крылья лебедь...

Недавно в Пекине завершился чемпионат мира по легкой атлетике. Можно было наблюдать, как участники состязаний готовят сектор для прыжков в высоту: они ставят отметки на старте разбега и точке отталкивания, вычисляют порядок шагов. А победительница соревнований *просто* бежала и *просто* прыгала. «У Маши все движения заложены на уровне подсознания», – говорит Геннадий Габрилян, тренер чемпионки мира Марии Кучиной.

Интеллект на Западе окончательно победил душу на рубеже Средневековья и Нового времени (О. Шпенглер). Сознание деформировалось, способность к логическому мышлению, мышлению в понятиях, получила гипертрофированное развитие.

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать (И. Гёте).

Произошла атомизация мира, социума, человека. Чувства человеческие были сведены к потокам частиц и к полям.

В наших психических актах нечего постигать, возмущался гениальный русский педагог К.Д. Ушинский, – я просто хочу, не хочу, я ощущаю зеленый свет, я испытываю боль! Воплотить эти акты в движения материи или в математические формулы невозможно, ведь мы испытываем ощущения, чувства и желания, а отнюдь не движения.

Homo informaticus – осколок человека, у него душа обнулилась, и опустился действительный член информационного общества ниже уровня животного, потому что животное это тоже существо одушевленное.

И бесконечно прав Ф.М. Достоевский – жизнь это когда ты можешь по своей глупой воле пожить, а когда ты такой возможности лишен, то даже твоя разумность, расчетливость тебя не спасет, – тогда это будет убогое механическое существование, но только не жизнь:

«Ведь если мне, например, когда-нибудь расчислят и докажут, что если я показал такому-то кукиш, так именно потому, что не мог не показать и что непременно таким-то пальцем должен был его показать, так что же во мне свободного-то останется, особенно если я ученый и где-нибудь курс наук кончил?».

Разразился русский бунт, бессмысленный и беспощадный, против рационализации и информатизации: «Да утопите вы человека в счастье с головой, так, чтобы только пузырьки выскакивали на поверхность, чтоб ему ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, – так он вам и тут ... мерзость сделает..., чтоб самому себе подтвердить..., что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых играют хоть сами законы природы собственноручно

Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!»

Снова звучит музыка, вступает с песней В.И. Гилев:

Небо синее до самой до окраины,
Где зима, весна и осень – лета нет.
Если льётся кровь, то наши дети крайние,
Так уж водится в России много лет.
Белым саваном лежат снега бескрайние,
В доме радость, не увидишь и во сне.
Брат живой вернулся, не беда, что раненый,
Если даст Господь, поправится к весне.
Братан поправится, с бедою справится,
Нам, Ванькам-встанькам, горе не беда.
Бог даст, и к нам потом вернётся счастье в дом
И не покинет больше никогда.

Стерпим в жизни всё мы, Ваньки-встаньки русские,
На свою судьбу пенять великий грех.
Там, где счастье, там всегда ворота узкие,
Не хватает счастья, видимо, на всех.
Небо синее лежит под белым саваном.
В основаньи триколора наша кровь.
Брат живой домой пришёл, и это главное,
А поставит его на ноги любовь.
Братан поправится, с бедою справится,
Нам, Ванькам-встанькам, горе не беда.
Бог даст, и к нам потом вернётся счастье в дом
И не покинет больше никогда (М. Евдокимов)

А как же шло, должно идти и идет развитие, углубление и расширение человеческого познания?

Суфийская притча моего любимого поэта и философа Джелаладдина Руми. На следующее свидание после ночи восторга спешит влюбленный, стучит в заветную дверь, слышит вопрос: «Кто там?» – и отвечает: «Это я, моя радость!» И дверь остается закрытой. И на второй день, и на третий, пока он, наконец, не осознал: «Это ты, моя любовь!» Только после этого дверь распахнулась, а вслед за ней и объятия. Как же так, возмущалась любимая, что же это за любовь, если милый в самозабвении любви мог еще ощущать свое отдельное существование! – «В любви нет места для «Я» и «Ты»!

Достижение гармонии целого, слияние разделенных половинок происходит в экстазе. Термин «экстаз» принадлежит Плотину и означает выход из себя, выход за пределы себя. Слияние происходит там, где ни его, ни ее, отдельных, уже нет.

«Ах, где я была?» – спрашивает женщина, возвращаясь к реальности после пребывания в экстазе. Известно где, на седьмом небе, по ту сторону отдельного существования собственного Я.

А вот когда экстаза и самозабвения нет, слияния не происходит, тогда и приходит время для объективного наблюдения и рационального умозаключения: «Потолки белить давно пора!»

Вся цивилизация живет в мире, в котором вечно потолки белить надо, и ни кайфу, ни лайфу, хоть фэйсом об тэйбл.

...Формируется и более широкое единство, чем слияние двоих.

Что может быть общего между красотой женщины и красотой горного пейзажа? Не даст ответа никакое сравнение признаков того и другого объекта, красота — это то, что зовет к слиянию, растворению, забвению своей отделенности, отдельного существования твоего вырожденно эгоистического Я.

Буддизм – религия сострадания и познания. Совесть, по Будде, есть высшее человеческое знание. Мое Я вмещает все страдания мира. И оно не даст тебе возможности обманываться иллюзиями, что чужие страдания – сами по себе, а твои наслаждения сами по себе. Твоя душа соведает всё чужое, которого и не существует вовсе, все не твое – оно тоже твое.

И если я не закрываю свою душу перед всеми страданиями мира, то в нее вливаются и все наслаждения мира. Когда Благословенный, Свет Азии познал истину, он пережил нирвану – наслаждение на несколько порядков более острое, чем сексуальный экстаз, и продолжалось оно в течение семи недель.

Буддийская Дхаммапада настаивает, что самые страшные пороки мира это лобха и доса, алчность и ненависть, – стремление к богатству и жажда власти. Высшее благо, избавление от самых мучительных страданий даруют алобха и адоса:

О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных.

О! Мы живем очень счастливо, неалчущие среди алчных.

О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет.

Питаюсь радостью, мы живем как сияющие боги.

Я вспоминаю свое голодное военное детство. Весной мы собирали на освободившихся от снега полях оттаявшие картошины. Наши мамы пекли из них черные лепешки, которые назывались *тошнотиками*. Мы

питались эти тошнотиками и жили как сияющие боги. А нынешние несчастные заевшиеся детишки вечно ноют, – то не хочу, и это не люблю... Какого же рожна тебе надо? – не выдерживает исстрадавшаяся мама. – Рожна хочу! – прозревает дитя.

К своему любимому ученику зывал Будда – о, Ананда, не ищите опоры ни в ком, кроме самого себя.

Такую же высшую веру в человеческое достоинство провозглашал и великий индийский святой Свами Вивекананда, – нет бога кроме Человека!

Но, как всегда, ярче всех выразил и эту мысль Джелаладдин Руми:

Вы, зыскующие Бога среди небесной синевы,
Поиски свои оставьте: Вы – есть Он, а Он – есть Вы...
Для чего искать Вам то, что не терялось никогда?
На себя взгляните – вот Вы, от ступней до головы,
Если Вы хотите Бога увидеть глаза в глаза,
Со своей души смахните пыль смиренья, сор молвы,
И любой, как я когда-то, Истиною озарен,
В зеркале Его увидит, ведь Всевышний – это Он.

Финалом любого глубокого изучения мира и человека должно быть возвращение к своему божественно совершенному Я.

Первый русский философ Григорий Сковорода был уверен, – воскреснет человек, воскреснет и мир!

Музыка А. Бабаджаняна, поет В.И. Гилев:

Завтра снова дорога, путь нелёгкий с утра,
Хорошо хоть немного посидеть у костра,
Но волной набегая, тронул вальс берега,
А вокруг голубая, голубая тайга.

Возле речки таёжной у палатки вдвоём
Мы с тобой осторожно в тихом вальсе плывём,
И поляна лесная закружилась слегка,
А вокруг голубая, голубая тайга.

Наши встречи не часты на таёжной тропе.
Мы за трудное счастье благодарны судьбе,
И палатка простая нам с тобой дорога,
А вокруг голубая, голубая тайга

Завтра снова дорога, путь нелёгкий с утра,
Хорошо хоть немного посидеть у костра,
Но волной набегая, тронул вальс берега,
А вокруг голубая, голубая тайга (Г. Регистан).